

А.М. ПЛОТНИКОВА
(Уральский федеральный университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'33
ББК Ш105.55

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО ИНВЕКТИВЫ¹¹

Аннотация: В статье рассматриваются приёмы языковой игры, используемые в конфликтной коммуникации с целью дискредитации адресата и выражения враждебного, неуважительного отношения к нему. Применяемые игровые приёмы могут реализоваться в устной коммуникации, поэтому они обычно не предполагают многослойного содержания. В статье даётся характеристика таким приемам языковой игры, как высмеивание неблагозвучной фамилии, использование прецедентных знаков, игровые трансформации речевых жанров и др. Уделяется внимание приемам, основанным на импликатурах дискурса. Использование игрового кода направлено на создание эффекта неоднозначности сказанного и конструирование особой иронически язвительной тональности текста, которая может быть расценена адресатом как нарушающая этические нормы общения. Языковая игра как средство инвективы также может иметь юридические последствия.

Ключевые слова: языковая игра, инвектива, конфликтная коммуникация

Не ограничиваемая функциями создания комического языковая игра рассматривается нами вслед за Т.А. Гридиной как «форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008: 5]. В конфликтном дискурсе языковая игра выступает в качестве мощной по воздействию потенциалу техники, работающей

¹¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

на общую целеустановку дискредитации личности, понижения социального статуса лица, создания дисгармоничной тональности общения. Своеобразие игровых приемов в конфликтном дискурсе определяется тем, что выбор средств воплощения игрового кода обусловлен интенцией «уколоть», обидеть адресата, поэтому игровой приём должен быть легко считываемым, не характеризоваться многослойностью и сложностью интерпретации.

В рамках данной статьи остановимся лишь на тех приемах, реализация которых преследует коммуникативную цель, связанную с дискредитацией личности и выражением враждебно-неуважительного, презрительного отношения к человеку. По словам Н.А. Трофимовой, «инвективный речевой акт реализует две функции: с одной стороны, эмотивно-катартическую – говорящий выражает свои отрицательные эмоции, "выпускает пар", с другой стороны – прагматическую – хочет оказать перлокутивное воздействие на адресата – унижить, оскорбить, обидеть, эмоционально подавить его» [Трофимова 2008: 218]. Различные аспекты исследования речевой агрессии, конфликтного дискурса, инвективности и диффамации нашли отражение в работах В.И. Жельвиса [Жельвис 2001], Г.В. Кусова [Кусов 2004], О.С. Иссерс [Иссерс 1999], Н.В. Орловой [Орлова 2012], К.Ф. Седова [Седов 2004], В.С. Третьяковой [Третьякова 2000], Ю.В. Щербининой [Щербинина 2013] и др.

К игровым приёмам в конфликтном дискурсе, реализующим указанную коммуникативную цель, относится, например, игра с антропонимами. Говорящий может использовать ассоциативное сближение фамилий, превращая при помощи звуко-буквенной или слоговой замены фамилию в обидное прозвище, созвучное со словом, вызывающим у читателя отрицательные ассоциации, к примеру, в газетном тексте *Бурилов* становится *Дуриловым*. С целью ухода от юридической ответственности журналист использует игровые трансформы фамилии: *«Вы думаете, что мы называем его Бляковым-Кряковым от хорошей жизни? Пиарим, что ли, так его? Да просто закон новый очень странный. Самому Хрюкову-Брюкову можно поливать кандидата номер один, а нам, журналистам, по закону нельзя называть настоящую фамилию Блякова-Штрюхова, чтобы рассказать правду о его вра-*

ние». Однако парадигма выбранных прозвищ, а также их прозрачная внутренняя форма или неблагозвучные фонетические комбинации (помимо представленных в данном контексте, автор телевизионных сюжетов использует такие, например, как *Собаков-Забияков*, *Негодяков-Мерзяков*, *Ряхов-Брюхов*, *Враков-Бензобаков*, *Чижииков-Собаков*, *Бяков-Пустобряков*, *Драков-Забияков*, *Баблов-Денежкин*, *Сказаков-Говрибеков* и др.) не связаны с реализацией лишь кодовой функции языка и направлены на создание отрицательного образа описываемого персонажа. Выбранные антропонимы указывают также и на то, что говорящий не только преследует сатирическую цель, часто реализующуюся в предвыборной политической коммуникации, но и проявляет враждебно-неуважительное отношение к герою сюжета, выбирая в качестве производящих основ придуманных прозвищ слова с ярко выраженной негативной семантикой.

Даже жанр официально-делового текста, к которому относится жалоба на действия судьи с неблагозвучной фамилией Тупицын, не останавливает пишущего и не удерживает его от использования игровой тактики: *«Обжалуемое определение судьи ТУПИЦЫ НА – это слепок нашего правосудия.»*; *«Конечно же, данное определение судьи ТУПИЦЫ НА подлежит безусловной отмене.»* Единичная техническая ошибка, возможно, могла бы рассматриваться как случайность, опечатка, описка. Однако анализ всего текста документа, в котором отсутствуют ошибки, а также наличие правильных написаний фамилии судьи в других падежных формах, говорит о системном подходе автора к искажению в написании и соответственно к реализации игрового приёма на уровне графики.

Графические приёмы, мотивированные игровой интенцией, лежат в основе креолизованных текстов. Например, в газетной статье, посвященной личности и деятельности журналиста Т., изображен «клец» и содержится подпись: *«В медицинской энциклопедии написано, что клец выбирает на теле человека удобные места и впиивается головой. Отрывать его не рекомендуют, потому что голова остается в теле человека. Что же собой представляет Т.?»* Используя импликатуры дискурса, автор при помощи изображения, а также комментария к нему

даёт характеристику герою публикации, наводя те смыслы зооморфной метафоры, которые необходимы для оценки лица.

Известно, что одним из способов выражения унижительного отношения является «навешивание ярлыков». В разговорной речи говорящий прибегает к единицам, заключающим в своих значениях оскорбление личности адресата, желание говорящего или пишущего унижить, обесчестить, опозорить адресата, то есть к словам и выражениям с резко негативной, иногда грубой, вульгарной экспрессивной окраской. Стремление уйти от стереотипности и найти более сильную по эмоциональному воздействию на адресата речевую конструкцию приводит к созданию оборотов, подобных фразеологическим, например: *дура в третьем поколении, самая мерзкая и гнусная дочь России, муха в татарской шкуре* и др.

Например, автор обличительного стихотворения использует трансформацию фразеологизма *моральный урод*, имеющего значение: «о человеке, нравственно неполноценном», заменяя оскорбительное слово с отрицательной оценкой на антонимичное с положительной оценкой:

*Дороги строят нам халатно,
Воруя прям у своего народа!
Здесь так и хочется сказать мне неприлично:
Ну кто же выбирал такого нам морального... «красавца»?!*

Проявляя метаязыковую рефлексю, автор оценивает выражение «моральный урод» как такое, которое сказано «неприлично», однако при выборе номинации автор всё-таки уходит от выбора негативно-оценочного слова, заменяя его на ироническое употребление «красавец», взятое в кавычки, при этом сохраняя рифму *народа – урода*, позволяющее читателю восстановить исходную форму фразеологизма.

Регулярно используемые для выражения оскорбительного отношения кавычки выступают показателем иронического или вообще неконвенционального употребления, отсылают к особому значению, создаваемому автором слова и разрушающему устойчивую связь между означаемым и означающим. В устной речи говорящий может использовать невербальный знак кавычек, получивший распространение в современной коммуника-

ции, выделить слово интонационно либо эксплицировать словесно семантику данного знака: *«Слово «уважаемый» я могу употребить только в отношении прокурора, в отношении же судьи – нет. И обратиться к судье «Ваша честь» я могу только в кавычках».*

С закавыченными употреблениями связано использование прецедентных знаков, которые, как известно, обладают широким спектром выразительных возможностей, однако требуют фоновых знаний адресата, позволяющих считать интертекстуальные связи. Например, герой публикации, не увидевший прецедентность выражения «Ай да сукин сын!» подал в суд иск об оскорблении, оценив словосочетание «сукин сын» как оскорбительное: *«В этом, собственно, и заключается суть их «развода», что многократно обманутое и изверившееся население «задрал штаны», как поэт Маяковский за комсомолом, побежит вступить в «Даниловское». Ай да Константин Викторыч! Ай да «сукин сын»! Как всё ловко устроил!»* Безусловно, положительная оценка, которая применяется А. Пушкиным для самооценки, приобретает в данном контексте отрицательный смысл, и такое перефразирование работает на общую сатирическую тональность текста.

Любое оценочное значение, будучи субъективным по природе, зависит от контекста и ситуации, поэтому нейтральная или позитивно-оценочная лексика в определенной коммуникативной ситуации способна приобретать негативно-оценочные коннотации (например, насмешливое обращение *«красавица»* к девушке с большим шрамом на лице). В связи с этим следует отметить, что экспрессивность, выражая субъективно-модальные значения, «может иметь речевой характер, поскольку эмотивные реакции часто возбуждаются по ходу совершения речевого акта» [Телия 1981: 208].

Инвективное содержание может возникнуть в результате намеренного развенчания речевого жанра «комплимент». Именно на таком игровом приёме построены почти все тексты, зафиксированные на некоторых сайтах с рубрикой «прикольные оскорбления», например: *«А вы фотогеничны. Вас ещё не приглашали в кино сниматься? Документальном. О свиноводстве».* Послед-

нее предложение полностью разрушает основную функцию комплимента как положительно-оценочного суждения, переводя это суждение в разряд злого высмеивания внешности адресата речи. Провокация, основанная на опрокидывании прогноза развертывания текста, захватывает и другие речевые жанры и речевые акты. В ходе игровой имитации жанр поздравления используется в качестве приёма мнимой речевой самоагрессии и, следовательно, саморазоблачения прогнозируемого адресата. Например, под фотографией, размещенной на почтовой открытке, содержится подпись: *«Я, оборотень в погонах, поздравляю вас с праздником Вальпургиевой ночи!»*. В высказывании *«Хочу назвать тебя козлом, но не буду»* использован риторический приём мнимого умолчания, при котором демонстрируемая иллюкутивная цель не совпадает с реальной иллюкутивной целью высказывания.

Употребление инвектив в этом случае демонстрирует особое речевое «умение», даже если применяемые говорящим приёмы являются шокирующими для адресата, как, например, в вопросе *«Вы все еще любите природу, несмотря на то, что она сделала с вами?»* Чувство меры изменяет и такому «игроку», который создаёт двусмысленные образы в средствах массовой информации, например: *«Угадайте, на какой именно из трех букв болтался бы сейчас господин советник, приди он к Филипенко с предложением перенести столицу Югры?»* Проявляя в известной степени мастерство словесной игры, журналист создает издевательски ироническую тональность текста и отчасти даже циничную шуточность.

Изошренный характер игровых приемов может оцениваться как выход за пределы этически приемлемого, особенно в тех случаях, когда автор характеризует внешность человека или вторгается в сферу физиологии или сексуальных отношений. Претензия на оригинальность словотворчества и свободу самовыражения в конфликтной коммуникации всегда может иметь правовые последствия, так как изящество игровой установки или использованного игрового приёма вряд ли будет оценено адресатом инвективы.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. – Екатеринбург, 2008. – 165 с.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. второе, переработанное и дополненное. – М., 2001. – 349 с.

Иссерс О.С. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул, 1999. – С.108–124.

Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт. Дисс. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 245 с.

Орлова Н.В. Конфликт обыденного и специального значения слова как проблема лингвиста-эксперта (на примере значения слова оскорбление) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV. /Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, 2012. – С. 381–382.

Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. – М., 2004.

Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

Третьякова В. С. Конфликт глазами лингвиста // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 127–139.

Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. – СПб., 2008. – 376 с.

Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. – М., 2013. – 400 с.

©Плотникова А.М., 2015